

ДУЧЧО ДЕМЕТРИО

профессор философии образования
и теории и практики автобиографии,
Миланский университет Бикокка, Италия

УДК 82-6

АНАСТАСИЯ КОРОБОВА

(перевод статьи с итальянского языка)
магистрант, Факультет свободных искусств и наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
ay.korobova@yandex.ru

СЕМЕЙНЫЕ ЗАПИСИ: МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ДНЕВНИКАМИ НАСТОЯЩЕГО*

Аннотация: Дуччо Деметрио — профессор Миланского университета Бикокка, научный директор Национального центра исследований и изучения автобиографии в Свободном университете автобиографии Ангиари (который он основал в 1998 году), основатель Общества педагогики и дидактики письма; редактор издания «Adultità», которое направлено на углубленное изучение разных аспектов автобиографического письма, памяти поколений, а также вопросов, связанных с семейными практиками архивирования памяти. Автор множества статей и монографий, таких как: «Образование во взрослом возрасте. К феноменологической теории проживания и происхождения» [1]**, «Само-рассказ. Автобиография как забота о себе» [2], «Клиническое письмо. Автобиографическая консультация и экзистенциальная хрупкость» [3], «Философия образования во взрослом возрасте. Символика, миф и образы себя» [4], «Неблагодарность. Короткая память признательности» [5], «Пиши, брат Франциск. Руководство по самонарративу» [6]. К основным темам его научных исследований относятся изучение автобиографического

* Перевод выполнен по изданию: Demetrio, D. “Le scritture famigliari tra memoria e diari del presente”, in *Rivista Italiana Di Educazione Familiare*, 2009, 3(1), pp. 19–38. URL: <https://doi.org/10.13128/RIEF-3070>

** Оригинальные статьи указаны в Списке литературы, перевод названий на русский язык мой. — *Прим. пер.*

письма в качестве философской практики, как средства для внутреннего самопознания и самоанализа; исследования в образовании, педагогики и дидактики. В данной статье представлен анализ автобиографического письма, его форм и видов, среди которых особое внимание уделено изучению семейных записей, дневников, писем, заметок. В первой части автор подчеркивает двойственную природу этого жанра — его образовательное и терапевтическое значение. Во второй части рассматривается возможность применения автобиографических записей в клинической и педагогической практике. Здесь также представлен широкий спектр типов и форм автобиографических семейных записей. При подробном анализе каждого типа, основной акцент делается на изучении записей и свидетельств, которые являются отражением психоэмоциональных состояний, душевных переживаний и полученного опыта. Все сноски и ссылки даны согласно оригинальному источнику.

Ключевые слова: автобиография; письмо; семья; семейные записи.

Для цитирования: Деметрио Д. Семейные записи: между памятью и дневниками настоящего / пер. с итал. А. Коробова // *Studia Culturae*. 2022, 1 (51). С. 279–301. DOI: 10.31312/ 2310-1245-2022-51-279-301

DUCCIO DEMETRIO

Professor of Philosophy of Education and
Theories and practices of autobiography,
University of Milano-Bicocca, Italy

ANASTASIIA KOROBOVA

(translation of the article from Italian)
master student, Faculty of Liberal Arts and Sciences,
Saint Petersburg State University, Russia,
ay.korobova@yandex.ru

THE FAMILY SCRIPTURES BETWEEN MEMORY AND DIARIES OF THE PRESENT*

Abstract: Duccio Demetrio is a professor at the University of Milano-Bicocca, scientific director of the National Center for Research and Study of

* The translation is based on the edition: Demetrio, D. “Le scritture familiari tra memoria e diari del presente”, in *Rivista Italiana Di Educazione Familiare*, 2009, 3(1), pp. 19–38. URL: <https://doi.org/10.13128/RIEF-3070>

Autobiography at the Free University of Autobiography of Anghiari (which he founded in 1998), founder of the Society for Pedagogy and Didactics of Letters; editor of the publication “Adultità”, which is aimed at an in-depth study of various aspects of autobiographical writing, generational memory, as well as issues related to family practices of archiving memory. Duccio Demetrio is author of many articles and monographs, such as: “Education in adult life. For a phenomenological theory of experiences and origins” [1]**, “Self story. Autobiography as self-care” [2], “Clinical writing. Autobiographical counselling and existential fragility” [3], “Philosophy of education in adulthood. Symbolism, myth and self-images” [4], “Ingratitude. The short memory of gratitude” [5], “Write, Brother Francis. The autonarrative manual” [6]. The main his scientific research topics are include the study of autobiographical writing as a philosophical practice, as a means for internal self-knowledge and introspection; research in education, pedagogy and didactics. This article presents an analysis of autobiographical writing, its forms and types, among which special attention paid to the study of family writings, diaries, letters, notes. In the first part the author emphasizes the dual nature of this genre — its educational and therapeutic value. The second part examines the potential applications of autobiographical notes in clinical and pedagogical practice. It also presents a wide range of types and forms of autobiographical family writings. The following is a detailed analysis of each type, with a focus on examining notes and testimonies that are a reflection of psycho-emotional states, emotional experiences and experiences. All footnotes and references are given according to the original source.

Key words: autobiography; letter; family; family writings.

For citation: Demetrio D. The Family Scriptures Between Memory and Diaries of the Present / transl. from Italian by A. Korobova // *Studia Culturae*. 2022, 1 (51). P. 279–301.

DOI: 10.31312/ 2310-1245-2022-51-279-301

Иные, не только повествовательные смыслы жанра

В последние годы автобиографический жанр (как стремление писать рассказ о собственной жизни, представленный обычно в виде диалога или в форме самонаблюдения) был

** Original articles are listed in the References, translation of titles into English is mine. — *Translator's note*.

заново открыт в его двойственном значении — образовательном и терапевтическом, или, иными словами, в конфигурации дополняющей повествовательные и, иногда, литературные смыслы: как спонтанная и ценная возможность, наделённая силой облегчать страдания пишущих. Мы всегда пишем, чтобы выразить радость жизни, но возможно, чаще всего, чтобы вернуться и испытать это чувство снова, чтобы вынести его потерю, рассказать о мучении его отсутствия. Бесчисленный и анонимный «род» тех, кто пишет ради удовольствия, или из инстинкта, или «по случаю» использовал и использует сегодня ещё чаще (особенно писательницы) стиль «писания о себе», к которому относится автобиография — один из самых значительных и сложных жанров. Это делается для того, чтобы преодолеть критические моменты существования, прибегая к *автографическому* жесту, чья восстановительная функция прослеживается если не в творчестве, то в жизненной энергии, доведённой до абсолюта, и которая высвобождается в самых тяжёлых ситуациях. Вознаграждение в наказание за то, что удаётся придать форму своей боли, заставляет их всех писать не переставая. Часто с упрямством, решительностью, желанием возмездия.

Таким образом, писательство является мощным средством для переноса за пределы экзистенциальных пучин или для того, чтобы чувствовать себя менее одиноким в непрерывном внутреннем разговоре с самим собой¹. Скажем так: семья, поскольку она является первым темпусом и локусом нашего самоотождествления с именем и фамилией, и, поскольку она является пространством заботы (или, наоборот, её отсутствия), всегда несёт в себе воспитательный мотив или жизненно важный (и фатальный) опыт, то среди прочего, она является и тем пространством, в котором находит своё символическое воплощение мотивация писать, чтобы лучше узнать себя, чтобы сохранить воспоминания, а также

¹ См. об этом подробнее в: [2].

для того, чтобы противостоять им, вынести их, объяснить себе их перипетии.

О семье пишут, в свете сказанного, чтобы вновь обрести утраченное счастье, мифы о сплоченности и гармонии, чтобы воскресить в ностальгии утерянное прошлое, которое всегда возвращает нас к нашим корням и даже в тоске успокаивает нас. Тот, кто не испытал таких чувств, прибегает к писательству, чтобы придумать себе сказочный мир, ему или ей незнакомый — детство, прожитое в доброприимной семье. Эти сочинения становятся литературой, создающей альбом воображаемых воспоминаний. Но и в этом случае сочинительство будет выполнять свою восстановительную функцию, уже не как поэтическое преобразование действительно пережитого прошлого, а как преобразование отсутствия².

Способность к этому появляется ещё до того, как ребёнок овладевает техникой письма, одновременно с чтением, когда родители или другие взрослые, старшие братья или сёстры вызывают любопытство, восхищение, вовлечение, и которая впоследствии находит почти инстинктивный резонанс в графологическом жесте, пока ещё самом элементарном. Желательно сотрудничество со школой, призванной потворствовать таким первым шагам не столько с целью развития искусства письма, сколько ради будущего взрослого опыта, а, точнее, ради стимулирования потребности сделать сочинительство составной частью своего существования, и для поддержания непрекращающихся отношений с рефлексирующим собой.

² Причины писать о себе как проявление защитной функции исследованы в текстах С. Феррари, среди которых можно выделить: «Письмо как восстановительная функция. Эссе о литературе и психоанализе» (1994) [7]; а также наиболее раннюю его работу: «Неоконченное письмо. Эссе о литературе, психоанализе и восстановительной функции» (2007) [8].

Письмо и чтение, это слишком хорошо известно, чтобы об этом напоминать, становятся частью индивидуальной судьбы почти бессознательно, благодаря среде, в которой оба навыка обретают вес и значимость. Проницательные родители и, в первую очередь, любители письма, убежденные в том, что память, хранящаяся на страницах, является благом и незаменимым ресурсом, становятся образами этого скромного и бедного искусства для детей. Привычка и поощрение использования пера обретает более релевантный результат, когда ведение дневника, как и письменный стол, бумага, книжные шкафы, букеты ручек и карандашей, компьютер, используемый не только для видеоигр и т. д., представляют собой обычную семейную практику.

Изложив это необходимое предисловие, мы сосредоточимся, прежде всего, на двух уже упомянутых направлениях с их явной отсылкой к роли, которую само письмо, строго приватное или разделяемое с другими, играет (может играть) в семейном контексте. Однако еще прежде необходимо кратко обрисовать, в чём же состоит автобиографическое направление как в педагогической, так и в клинической областях. Хотя этому второму направлению мы посвятим всего несколько строк. Эпизоды, нередко переплетающиеся, сменяющиеся и переходящие друг в друга, представляют собой своеобразный интеллектуальный акт поведения человека, совпадающий с одним из наиболее эффективных проявлений индивидуальной свободы, а также источником бесчисленных размышлений о своей жизни (и не только), носят тысячелетний характер. В них есть повторения истории человеческих гражданских и индивидуальных прав, эмансипации самых униженных социальных классов, женского движения. Поэтому не случайно мы используем слово «перспектива», чтобы обозначить философию опыта, уводящего в другое место, втягивающего в пусть и недалекое будущее, любого, кто

использует письмо, как ведомый за руку в другие области: иногда забытые, иногда ещё неизведанные.

Однако, сразу же следует уточнить, что указание на автобиографию как на жанр [9], подразумевает разнообразие *эго-графематических* приемов, простейших и сочлененных, которые охватывают, помимо создания автобиографического текста в прямом смысле («вся история собственной жизни, изложенная самим автором»), множество других второстепенных форм (также автобиографических), о которых мы будем говорить.

Таким образом, останавливаясь на двух обозначенных направлениях, заметим, что автобиография в образовании, в виду того что это широко распространенная практика описания личного предшествующего или переживаемого в настоящем опыта, демонстрирует свою педагогическую значимость. Дело в том, что использование личного письма не как формального средства общения, а как возможности выражения неявного, очень личного, спонтанного, неофициального и интимного, кроме того, что представляет собой средство взаимного узнавания (новостей, эмоциональных состояний, часто замалчиваемых из-за скромности, застенчивости, страха «секретов»), теперь даже уже культивируемого через электронную почту, блоги, чаты и т. д., (очевидно) являет собой источник передачи мысли, правил, стресса и аффективных реакций, которые следуют по другому пути, не пересекающемуся со стандартным.

Записи, независимо от их глубины и сложности, в качестве источника обучения, а следовательно, и продукта ума и ручного труда, фильтруют самые разнообразные переживания, видоизменяя их в другие языки и символы, в то же время делая их авторов другими, что, несомненно способствует улучшению или поддержанию их познавательных способностей. Тем более, что одним лишь голосом, устным

рассуждением, в его различных модуляциях — раздражённой, спокойной, убедительной, напористой, утверждающей, утешительной и т. д., в зависимости от проблем во взаимоотношениях между собеседниками и содержания дела, — не всегда удаётся достичь желаемого эффекта и дойти до того, что делает (к сожалению, не всегда) страница или просто записка, написанная на скорую руку: из любви, печали, поэтического вдохновения, педагогического побуждения. Открывая немало брешей в стене молчания и многословности, хоть и в эпизодической фрагментарности, внушаются сомнения в отношении определенного поведения другого и его истинных намерений; показывается, что в каждом, кто пишет о себе, есть тёмная сторона, которая строка за строкой раскрывает совсем иной характер, поведение или чувства, которые ранее были сокрыты.

Как *забота о себе* и терапевтическая программа (кстати, всё чаще применяемая в семейной терапии) когда вы становитесь частью клинического проекта и подопечным специалистов, письмо является инструментом для лечения определенных временных недугов или определенных патологий не только языка (потому что оно мотивирует писать от руки, когда слова из-за фобии и сильной застенчивости не выходят), но и в ряде интересных случаев: письмо изгоняет внутренние «крики», которые не находят других каналов выражения; через письмо прорабатываются болезненные и скорбные моменты, и душа находит возможность успокоиться, вспоминая, прощая, сохраняя свою обиду. Через письмо человек находит себя героем и действующим лицом материального объекта (повествовательного текста), обладающего своей графической или бумажной видимостью (он может быть доверен и иным носителям), что даёт возможность перечитывать и переоценивать себя. Чтобы найти в себе смелость сказать то, что вы не осмеливались раскрыть или не знали перед тем как взять в руки ручку — что у вас внутри, что вы уже знаете.

Поскольку *майевтическая* ценность писания о самом себе состоит в том, чтобы дать другим знать о своём существовании в мире, а не только для собственного удовлетворения и благополучия, то согласно не болезненному, а ободряющему нарциссизму она сочетается с *катарсической* и успокаивающей ценностью всеиндивидуального жеста, который побуждая рефлексировать, творить, запоминать, порождает ощущение и осознание себя, чувство собственного достоинства.

О правильном понимании автобиографического жанра

Этот жанр, по правде говоря, ещё до того, как он стал важной главой «интимной истории» [10], оправдал себя в своей главной нарратологической сущности: начиная с древних истоков автобиографического письма он выполнял упомянутые выше функции для благополучия и роста индивидуальной психики писателей и писательниц, впоследствии ставших известными.

Свидетельства, которые мы имеем, пришли к нам от них: мы никогда не узнаем, однако, сколько было и сколько остаётся неизвестных писателей, которые являлись и являются благодарными тому, что они пишут. Те, кому благодаря художественной славе удалось выйти из огромной массы писцов и переписчиков, сумели вернуть литературное достоинство личным трудам посвящения во взрослую жизнь и, прежде всего, семейным записям. Самые известные отсылки, которые мы находим, как в «воспитательном романе», так и в семейном романе, который всегда был одной из самых известных тем психоаналитических исследований. При условии, что он или она мотивированы желанием больше не держать в себе то, что является причиной напряжения и страданий. То, что в себе иначе не представляется сообщаемым (из-за скромности, благоговения, конфиденциальности, недоверия к устному

слову), в графематической версии повествования обретает выразительность, необходимую для построения своей идентичности, своего становления в человеческом облике.

Обширная литература предлагает нам, в этом отношении, известные примеры где писатели и писательницы, и не только в своих автобиографических и дневниковых текстах, с большой повествовательной убедительностью иллюстрировали, насколько незаменимым было для них обращение к письму в моменты кризиса и отчаяния, без каких бы то ни было амбиций и ожиданий [11]. Подобно тому, как их «личные тетради» (затем опубликованные или нет) документируют посвящения, жизненные пути, военную службу, размышления о жизни и смерти, о человеческих и личных судьбах. Это делает каждую автобиографию начинанием, которое требует ретроспективного проекта и сценария, очень близкого к жанру романа, особенно к «воспитательному роману». Написание не могло не повлечь за собой для автора порой неблагоприятное, но необходимое стремление к экзистенциальному самоанализу, где крайне сложно выделять образовательный компонент, который раскрывается как таковой в интроспективном и рефлексивном клиническом упражнении, который успокаивает, но парадоксальным образом обостряет страдания, возвращая в памяти травмы, потери, ошибки. Всё это — мотивы и темы, составляющие, помимо биографических фактов, основу повествования.

Стоит также не забывать, что «писать о себе» включает в себя большое разнообразие *малых* повествовательных форм (личные заметки, эпиграммы, текст, написанный как «отдушина», письмо или e-mail, который содержит личные впечатления, размышления о себе, и даже смс-сообщения), если они создают связи между людьми уже не с помощью рукописного текста, а через печатный текст, и *крупных* (автобиография в собственном смысле слова, мемуары, эпистолярная литература, дневник, который пишется в течение нескольких

лет). Последние являются основным источником, в частности, в отношении мира семьи, самых последних исследований о связи между генеалогиями роста отдельных членов и изменениями в динамике домашней группы, выходящими за рамки совместного проживания, в неизбежной диаспоре индивидов, в передаче по наследству, в исчезновении ревностно хранимых ритуалов и историй.

Прежде всего автобиография, независимо от её сущности и поджанра (самокритичная, хронологическая, вымышленная, лирическая, искупительная и т. д.), может рассматриваться поэтапно или в процессе собственного становления или после завершения метарефлексивного пути, который вовлекает писателя, но в то же время передает и читателю модели аффективности и ментальности. Письмо отдаёт странице больше, чем себя, чем то, что оно непосредственно хочет передать, поэтому оно передаёт общие смысловые направления, точки зрения, самим фактом своего появления в человеческом месте, в том числе именно в пространстве семейных отношений.

Однако, невозможно не учитывать это предположение о самосознании, которое состоит в том, чтобы интриговать нас экзистенциальными темами, близкими нам уже в творчестве авторов античности, средневековья и нового времени. Среди них выделяются те, кто сделал автобиографический роман возможностью превратить свои личные воспоминания в сагу, генеалогический или семейный роман. Это также связано с тем, что почти невозможно *вспомнить себя*, пренебрегая запутанным миром, богатым основополагающим образовательным опытом, населенным реальными и воображаемыми историями, услышанными, украденными, ревностно сохраненными, которые рассказывают другие. Каждый автобиограф, независимо от того, стал ли он знаменитым или остался в тени, знает, что его история — это не более чем ткань из последовательных или чередующихся семейных, дружеских, родственных, реляционных воспоминаний.

Не говоря уже о бесконечном множестве «дилетантов», которые были во все времена, чьё обращение к «перу» связано с крайними обстоятельствами. Трагические, драматические, экстремальные из-за лишения гражданских свобод, расовых преследований, состояния частичной или полной психофизической немощи. Во время или после таких дегуманизирующих событий, написание собственных мемуаров или рассказа о трудных днях, смогло восстановить достоинство и дух бунта в тех, кто полагался на них. Для того чтобы свидетельствовать, но, тем не менее, выживать психически; для того чтобы осуществлять по крайней мере интеллектуальное господство над болью тела и против любого насильственного притеснения. Более того, автобиографию необходимо понимать в её генеративной роли, когда она выходит далеко за пределы редактирования, за пределы окончательно отредактированной книги собственной жизни (изданной или нет), она не остается для своего автора только эпизодом вытеснения. Это может произойти когда результат, но прежде всего проделанная работа, способна изменить стиль мышления, чувствительность, даже обычные реляционные модели. Помимо того, что было изложено, побуждение, которое способно вызвать письмо, приводит к тому, что оно становится жизненно необходимым ментальным процессом натуры тонкой душевной организации. Мы не сказали, что готовая работа автоматически будет вызывать эти эффекты, имеющие большое педагогическое значение. Может случиться так, что это происходит только в течение (короткого или длительного) времени изложения повествования; однако в ряде случаев отмечается, что те, кто начинают писать о себе и кому удаётся завершить своё автобиографическое приключение, чувствуют необходимость продолжать писать (например, вести дневник) и развивать те вопросы (философские, экзистенциальные, духовные), к которым всегда стремится произведение о себе.

В семье и за её пределами, между прошлым и настоящим: типология

Сочинения, созданные детьми или взрослыми, ориентированными на ограниченное или расширенное до включения родителей или друзей сообщество, таким образом, вновь обнаруживая два острых смысла — образовательный и терапевтический — в аффективных сплетениях и практических семейных историях выполняют педагогическую роль стимулирования и укрепления или, наоборот, ослабления, если не элиминации связей.

Теперь мы сосредоточимся на некоторых повествовательных формах, которые за годы исследований, посвященных изучению воздействия автобиографических работ и текстологическому анализу каждой из них мы, кажется, определили как наиболее рекурсивные³. Прежде всего, мы подошли к первой макродистинкции, из которой выделяются четыре группы сочинений:

1. *Центростремительные и центробежные сочинения.*

Первая группа включает в себя тексты, нацеленные на упрощение внутренних связей, с тем чтобы создать *ощущение причастности и консенсуса* с главами семьи, мужскими или женскими, яркими лидерами, и культурой, в которой происходило рождение и взросление. В этих случаях автобиография, написанная обычно самими пожилыми членами семьи, приобретает символическое, почти *тотемическое* значение. Такая автобиография представляет узловой момент свидетельства, отредактированного кем-то, кто взял на себя

³Мы ссылаемся на почти двадцатилетнюю деятельность кафедры образования взрослых, ныне философии образования в Миланском университете Бикокка, но прежде всего по инициативе Свободного университета автобиографии Ангиари, основанного в 1998 году и возглавляемого автором (www.lua.it).

роль вспомнить как можно больше событий, не забывая об окружающей обстановке, о привычках, острых моментах, переходах и циклах жизни каждого члена. В ней отражаются судьбы и переплетения целых поколений, и речь идёт о тенденции абсолютизировать того, кто представляет собой исчезающий, но редкий объект, с тем чтобы укрепить общее и отойти от индивидуального. Из такого типа автобиографии в будущем вырастет жанр автобиографии семейной, которая обнаруживает в себе черты следующей группы.

Вторая подгруппа — центробежная, отражает изменения на уровне семейной социологии и психологии, а также демонстрирует новые структуры с преобладанием автономного индивидуального выбора осуществляемого внутри всё той же семьи и, кроме этого, во многих случаях демонстрирует опыт параллельной или развивающейся во времени множественной принадлежности. В этом случае, для того чтобы рассказать эпопею собственной жизни, в большей степени преобладает стиль ведения дневника, чем обращение к стабилизирующей автобиографической манере. В современном мире вариант этой модальности автобиографического текста претерпел изменения в связи с использованием электронных медиа. Несмотря на то, что это всё ещё жанр семейной автобиографии, отчуждение от семьи или её осуждение здесь может проходить более открыто, а желание отдалиться от семьи, которое предшествовало написанию, выражено более явно; и молодые авторы и авторки легче переносятся в пространства, удалённые от тех, к которым они волей-неволей были привязаны.

2. Тексты с «расширением»

Социально-генетически каждая семья выполняет функции объединения и разобщения особенно сегодня, в результате изменений сексуального поведения и ритуалов ухаживания: жизнь на несколько семей и ощущение быть

представленным и рассказанным сменяющимися друг друга родственными фигурами уже не такая редкость. В отношении форм множественности семьи может осознаваться и недоумение, и глубокое принятие (дружественность способна смягчить даже болезненные проявления «кровной» привязанности). Тогда письму доверяют попытку наведения порядка в эмотивной сфере, в которой наиболее пострадавшими являются самые маленькие члены семьи. Подобного рода намерения отсылают к долгу чувствовать себя «всё ещё родителями», и не случайно важность иметь возможность кому-то писать, оставлять сообщения, вести блог не только не ослабевает, но и вовлекает самых слабых в иные, в любом случае защитные, формы совместного проживания. Здесь следует упомянуть о роли записей усыновлённых детей и приёмных родителей, составленных с целью лучше друг друга узнать, принять, понять в процессе прохождения опыта сепарации, миграции, смерти естественных родителей, состоянии временной или осознанно выбранной неполной семьи.

В отличие от традиционных форм семейных записей, новые формы, которые распространились благодаря всеобщему образованию, во многом вдохновляются желанием подчеркнуть, используя письмо как инструмент «внутренней» коммуникации, свой авторитет или владение более широким кругом контактов, связей и социальных возможностей. Теперь, прибегая к эпистолярному жанру или же к рассылке разрозненных сообщений, члены одной семейной ячейки пытаются буквально несколькими словами прояснить, с одной стороны, сложные взаимоотношения, недоразумения, претензии, упреки, приписывание ответственности, неудачи и т. д., а, с другой стороны, прояснить что-то или утвердить своё право, неважно кого — жертвы или агрессора, быть хозяином ситуации и получить признание, быть услышанным, объявив таким образом о своей изменяющейся роли.

3. *Секретные записки*

Эта группа также составляет семейные записки (почему бы и нет), правда сразу же после написания уничтоженные: трансгрессивные, описывающие адюльтер, анонимные, описывающие часть жизни и такие отношения, которые не длятся во времени, а возникают и прекращаются по случаю. Несмотря на то, что описания адюльтера редко находят себе место в официальных архивах или даже в секретных ящиках под кодовым замком, всё же — они куски семейной истории, делающие её полновесной. Когда их обнаруживают, обычно случайно, они производят впечатление бокаччиевских новелл, с их невероятными и страстными сюжетами. Они в состоянии перевернуть целую жизнь и заставить нежданного читателя пересмотреть все стороны личности отца или матери (сына или бабушки), и не случайно литература всех времён и народов — представим себе технику драматургии узнавания или киносюжет, — в таких свидетельствах всегда обнаруживаются довольно неудобные вещи. Тайные секреты семьи ложатся в основание собственных записок о подозрениях, догадках, домыслах, откровениях, драмах, глубоко скрытых переживаниях, то оправдывающих, то осуждающих прошлое.

Внутри автобиографического жанра есть ещё одно интересное направление, которое можно отнести к семейным запискам. Когда скелеты достаются из шкафов или письмо из пламени камина, при всём страхе наносимого ущерба, выявляются воспитательные моменты, о которых никто не подозревал, равно как и эмоциональная хрупкость взрослого открывателя. В конце концов, они тоже показывают насколько даже не могущие быть обнародованными записки важны для того, чтобы пишущий смог превозмочь все несчастья, агрессию и насилие.

4. *Прощальные записки*

Мы не можем проигнорировать домашнюю «кризисную» литературу манифестного типа, которую мы определяем как

прощальные записки. Конечно же они пишутся в предверии или как реакция на самые острые моменты разрыва или покидания родных стен. Это могут быть просто письма, самоуничижительные послания, тексты самооправдания, заодно и обвиняющие кого-то из-за кого пишущий был вынужден временно или навсегда покинуть адресата и в которых звучит призыв к пониманию. На этом построены многие автобиографии, дневники и воспоминания, которые полностью посвящены, спустя много лет после событий расставания, сыновьям и дочерям, ставшим жертвами чужого взрослого выбора. В них можно распознать типичные мотивы писаний искупительного характера, которые повторяют древний жанр «исповеди». К этому типу литературы, как и в случае предыдущей, как правило уничтоженной, примыкает блок родственных записок, носящих позитивный характер. Они имеют другую тональность повествования. Под ними подразумеваются «записки издалека» или «записки о путешествиях», адресованные детям и свидетельствующие о попытках поиска успеха и себя вдалеке. Это могут быть записки составленные дома по возвращению или переработанные дневники путешествий. Варианты таких писаний мы находим в большом количестве в виде дневников и мемуаров с конца XVII века, представляющих собой разновидность молодёжной литературы (записки из Гранд тура) и символизирующих инициацию во взрослую жизнь, отредактированную молодыми аристократами и буржуа, под влиянием аффектов их бесконечных путешествий. К ним надо добавить эпистолярные опыты эмигрантов, участников военных действий, авантюрных путешественников, прежде исключительно мужчин, и только с начала XX века этот жанр представлен и американками и североευропейскими женщинами, поскольку прогрессировала грамотность и девушки становились более самостоятельными.

В случае указанных разновидностей автобиографическую литературу семейного характера следует отличать от семейной литературы, которая не имеет своим объектом изучение

домашних перипетий и взаимоотношений между родственниками, то есть создаваемая в семье, адресованная её членам, обнаруживаемая и хранящаяся в семейной окружающей обстановке: в письменных столах, разных ящиках, подвалах или на чердаках, которая являет собой настоящий тезаурус свидетельств интересных специалистам по истории, генеалогии и всем тем, кто выказывает особое внимание изучению межпоколенческих отношений любого характера. Такие записки пишутся регулярно или по случаю, иногда как развлечение, иногда со всей осознанностью и вовлечённостью, не говоря уже о том, что их цель — хранение традиций, особенно не такого уж далёкого прошлого. Они вносят свой вклад в прогрессивное сотворение, передаваемое из поколения в поколение в приватной сфере, всевозможных других и смежных жанров (заметки, эпиграммы, нравоучения, дневники, письма) среди которых во многих случаях они являются чистой версией автобиографического письма уровня высокой литературы, продуманной и написанной с большой заботой. И тем не менее они остаются неизвестными истории мировой литературы. В богатых и аристократических кругах, и даже среди образованного простого крестьянства, на протяжении десятилетий рождалось такое нематериальное богатство как личные неорганизованные домашние мнемотеки. Если к ним добавить семейные архивы и альбомы фотографий, уточняющие записи, то в случае их приведения в порядок и каталогизирования каким-нибудь пожилым членом семьи, почувствовавшим себя моральным протагонистом, можно получить чуть ли не композицию в жанре романа, хоть и фрагментарного, написанного множеством рук в различные эпизоды семейной саги. История еврейских семей и представителей других евангелических религиозных общин, ассоциированная с историями аристократических семей и семей промышленников и так уже является одним из самых заметных и изучаемых проявлений этого поджанра [12].

Речь идёт о том, что в привилегированных классах или среди новой буржуазии было желание продемонстрировать многочисленным родственникам и знакомым, что маленькое сообщество имело достаточно времени и образованности, чтобы заниматься писательством. Писать ради демонстрации своего социального статуса всё ещё не было общедоступной роскошью и служило для того, чтобы продемонстрировать высокий уровень культуры хотя бы некоторых членов семьи, которого они достигли через упорство и старание. В семьях пишут всегда не только для того, чтобы сохранить коллективную память важных локальных и ритуальных моментов, но прежде всего для того чтобы отличаться и выделяться из своей собственной семьи как индивидууму. И этот второй регистр тоже имеет педагогическое, а в некоторых случаях и терапевтическое (лучше сказать самотерапевтическое) значение, которое письмо дарит нам в ключевые моменты существования: пишут в семье и о семье, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к её исходному ядру, но делают это для того, чтобы от неё дистанцироваться и начать свой исход, а именно чтобы защитить свою идентичность от любых попыток ограничения свободы, в которых семья всегда является арбитром.

Углубляясь теперь в детали и рассматривая давнее и недавнее наследие, мы можем лучше сформулировать типологические различия. Они характеризуются большей или меньшей культурой и стилистической утонченностью, однако мы заинтересованы в том, чтобы понять, какую роль они играют, в данном случае на чисто педагогическом уровне. Это становится видно, когда человек пишет, чтобы оставить что-то от себя воображаемым читателям о событиях, которые для них являются общими и для тех читателей, которые ещё не родились, которые растут и могут быть осведомлены о том, что кто-то на них смотрел и о них писал. Поэтому, мы считаем возможным, что в ценном собрании сочинений, которые нам

предоставляют дневниковые и автобиографические архивы, некоторые другие формы могут быть причислены к семейным записям, а именно:

а) *помогающие сохранить остроту воспоминаний и поэтическую тональность впечатлений*

Это короткие, быстрые, импровизированные произведения, цель которых сохранить воспоминания, эмоции, настроения, главным образом, у взрослых, заинтересованных в том, чтобы передать своим детям литературную чувствительность, отличающуюся лиризмом и иногда воспитанием «хороших чувств». Обычно они собираются в автобиографические заметки объёмом в несколько страниц или являются фрагментами больших историй.

б) *хранящие свидетельства жизни, которые в ином случае были бы утеряны*

Такой способ мы находим в записках, в которых особое внимание уделяется морали, понуждениям и советам. Авторы вдохновляются жизненным опытом, пережитым вне семьи, но который они затем привнесли в неё. Не обходится и без некоторого дидактизма не лишённого набожных напоминаний и наставлений, и отсылок авторитетным и важным фигурам. Не только из-за морали, но и из-за достигнутых материальных успехов, оставленных в наследство семье, их упоминают как образцы добродетели и пример для молодых людей, собирающихся покинуть родной дом.

в) *созданные для реконструкции генеалогии*

Эта форма представляет собой настоящую классику семейной литературы. Обычно мы пользуемся идеей семейного древа, несмотря на то что среди «ветвей» встречаются записи тех, кто отказавшись от первоначального замысла, переосмыслил факты и ситуации, считавшиеся образцом подражания. Это делается для того чтобы продемонстрировать семье примеры различных результатов, негативных и позитивных поступков и характеров отдельных её членов.

г) *формулирующие «последнее прости»*

Мотивация писать, в данном случае, восходит к трагическими событиями, ретроспективно воспроизводимым, но которые продолжают мучить писателя, безутешные и обжигающие. Человек в таком случае пишет, чтобы обрести поддержку и сообщить другим членам семьи, что наказание, им испытываемое, настолько сильно, что невозможно найти нужные слова для описания мучений. В то же время, цель такого текста состоит в том, чтобы отдать дань уважения тем, кто был потерян навсегда.

д) *документирующие ситуации и эмоции по типу ведения дневника*

К письму обращаются в качестве родителей, бабушек и дедушек или детей, в данном случае не для того, чтобы найти в памяти эпизоды, лица, незабываемые моменты, а для того, чтобы записать всё это в дневник почти в реальном времени. Настоящее время, типичное для дневниковых записей, доминирует в повествовании и сопровождает события, описанные с целью увидеть, что тот, кому они будут адресованы, нашёл отражение себя в прочитанных словах или посмотрел на себя с другой стороны. Возлюбив ещё более того, кто вдвойне позаботился о нём при помощи пера.

е) *обучающие самых маленьких вести дневник*

Родители или учителя стимулируют детей и школьников входить в автобиографическую культуру как можно раньше, для чего им предлагается не ограничивать себя ни в чём, что может помешать получить удовольствие от написания о себе, стимулируют пробуждение воспоминаний, и играют в обмен воспоминаниями между взрослыми и детьми. Дневники могут сопровождаться рисунками, подписями, изображениями мимики, использованием цифровых технологий, которые могут оказать значительную роль на уровне эпистолярных обменов между детьми и родителями, или на уровне составления визуальных микробиографий и рассказов на компьютерных носителях, сопровождаемых изображениями.

ж) *служащие проработке прошлого конфликта*

Пережитые разрывы, особенно при распаде семьи, супружеских отношений, связей, часто упоминаются в семейной литературе, главным образом, для того, чтобы примириться со страданиями, пережитыми или причиненными. В иных случаях, чтобы символически попросить прощения или подтвердить неизбежность разрывов, обретенную свободу и новую жизнь. Образовательный аспект проявляется здесь в мотиве искупления, личностной эволюции и самопознании.

з) *описывающие изображения и портреты*

Как правило, данная форма письма, вызывающего воспоминания, в рамках уже упомянутых форм — это реальные галереи портретов, создаваемые с единственной целью — отдать дань уважения без вести пропавшим, наши признание и почтение, которых они заслуживают, тем более если принадлежат к лицам, которые играли однозначную, возможно, неофициальную, а, скорее, повседневную, неформальную роль в семейной жизни.

и) *помогающие преодолеть череду страданий*

В этой, ещё одной разновидности текстов, вероятно не последней, мы находим дополнительный побудительный мотив, благодаря которому авторы семейных мемуаров извлекают возможность преуменьшить свои страдания от недавних потерь; этим он отличается от записок варианта (д). Их образовательное значение усматривается в желании пишущего придать его событие огласке, выкрикнуть другим о том, что он испытывает и стремлении показать, что все мы находимся в тайных руках судьбы. В них также звучит естественный запрос на поддержку, утешение, близость со стороны тех, кто, возможно, пережил тот же опыт. В этом случае, написанное требует самого широкого распространения, выходит из семейной конфиденциальности, ищет общественного признания.

Мы, конечно, не полагаем, что этими примерами исчерпывается весь спектр значений семейных писаний о настоящем и о далёком прошедшем, которые представляют собой своего

рода долг перед измерением настолько важным и неизбежным, как история жизни всех нас. То, что мы хотели представить в качестве символической матрицы, прибегая к некоторым образцовым свидетельствам писателей и писательниц всех возрастов, в действительности представляет собой в конечном итоге лишь приглашение собирать и укреплять собственные семейные техники памяти, в которых тексты и события могут храниться бережно или, наоборот, разбрасываться и утрачиваться, чтобы сделать себя хранителями, собственными воспоминаниями обогащающими прошлое и настоящее.

References | Список литературы

1. Demetrio, D. *L'educazione nella vita adulta. Per una teoria fenomenologica dei vissuti e delle origini*, Roma, NIS, 1996, 192 p.
2. Demetrio, D. *Raccontarsi. L'autobiografia come cura di sé*, Milano, Cortina, 1996, 230 p.
3. Demetrio, D. *La scrittura clinica. Consulenza autobiografica e fragilità esistenziali*, Milano, Cortina, 2008, 467 p.
4. Demetrio, D. *Filosofia dell'educazione ed età adulta. Simbologie, miti e immagini di sé*, Torino, UTET Libreria, 2003, 272 p.
5. Demetrio, D. *Ingratitudine. La memoria breve della riconoscenza*, Milano, Cortina, 2016, 183 p.
6. Demetrio, D. *Scrivi, frate Francesco. Una guida per narrare di sé*, Padova, Messaggero, 2017, 184 p.
7. Ferraris, M. *Scrittura come riparazione. Saggio su letteratura e psicoanalisi*, Roma–Bari, Laterza, 1994, 290 p.
8. Ferraris, M. *La scrittura infinita. Saggi su letteratura, psicoanalisi e riparazione*, Firenze, Nicomp, 2007, 286 p.
9. Tassi, I. *Storie dell'io. Aspetti e teorie dell'autobiografia*, Roma–Bari, Laterza, 2007, 188 p.
10. Vegetti Finzi, S. (a cura di) *Storia delle passioni*, Roma-Bari, Laterza, 1997, 360 p.
11. Anglani, B. *I letti di procuste. Teorie e storie dell'autobiografia*, Roma–Bari, Laterza, 1966, 167 p.
12. Loewenthal, E. *Scrivere di sé. Identità ebraiche allo specchio*, Torino, Einaudi, 2007, 193 p.